

Жунмянь, оставшись один под дождем, уловил в воздухе тонкий, терпкий аромат текилы. Запах был настолько резким, что в горле у него запершило.

Тем временем Линван, вкратце объяснив ситуацию куратору, взял блокаторы и отправился в изолятор. Обстановка в «одиночке» была спартанской: кровать, стол со стулом и душевая. Едва щелкнул замок двери, сдерживаемые феромоны вырвались наружу. Комнату заполнил густой аромат выдержанного алкоголя. Железа на затылке пульсировала жаром, внутри нарастала глухая ярость и жажда разрушения, а кровь превратилась в жидкий огонь.

На кончике носа выступили капли пота. Плотнo сжав губы, Линван расстегнул одежду, обнажая ключицы, и с силой надавил на воспаленный участок на затылке. Жар шел не только от тела, но и откуда-то из глубины души; сознание путалось, волны возбуждения накатывали одна за другой.

Гон начался стремительно. Линван залез под холодный душ, понимая при этом, что нельзя переохлаждаться, чтобы не заболеть. Кое-как смыв первый жар, он залез под одеяло, пытаясь перетерпеть бурю. Несмотря на озноб, тело горело. Линван нахмурился и жадно припал к бутылке с водой, стараясь унять зуд в горле. Халат на нем распахнулся, открывая широкую грудь; длинные пальцы снова и снова ощупывали ноющую железу.

Каждый раз в такие моменты он думал о том, что в семье он — единственный, кто обречен на эти муки. Оба его отца и младший брат были бетами; у них не было феромонов, и они не чувствовали этот сводящий с ума запах. Он зарылся лицом в подушку. Запах текилы становился всё плотнее — Линвану казалось, что он вот-вот опьянеет от самого себя.

Костяшки его пальцев побелели, спина выгнулась струной. Сдавленные вздохи тонули в подушке, а шорох ткани о разгоряченную кожу казался невыносимым. Альфа в период гона теряет рассудок; логика исчезает, а голова словно набита ватой. Снаружи дождь барабанил по стеклам, но в изоляторе не было окон — только вентиляционное отверстие, сквозь которое доносился этот мерный стук.

Кап... Кап...

Линван выгнулся всем телом, на его руках вздулись вены — грубая, почти пугающая мощь. Железа на затылке покраснела и отекала. Линван закрыл глаза; зрачки под веками беспокойно двигались — сон был тяжелым. Под одеялом запах алкоголя стал еще крепче. Он лежал один, мокрые пряди черных волос прилипли к лицу и лбу.

Когда он провожал Жунмяня, тот держал его за руку. Они были так близко... В состоянии гона чувства Линвана обострились до предела: он до сих пор помнил прерывистое дыхание председателя, его тонкий аромат и обжигающее тепло кожи. Вспомнил, как незаметно наклонял зонт в сторону Жунмяня, подставляя собственное плечо под холодные струи — тогда эта ледяная вода казалась спасением. А потом Жунмянь прижался еще ближе. Линван даже сейчас, в полузабытьи, чувствовал фантомное прикосновение к своей левой руке.

Постепенно дыхание выровнялось под шум дождя. Ему давно не снились сны, но этот гон был таким яростным, что сознание выдало видение. Ему приснилось, что у него есть жених-омега. Они росли вместе с самого детства, как «две капли воды». Все знали о них. Линван был успешным студентом с блестящей карьерой, и вот — долгожданная свадьба, море поздравлений. Жених был капризным, с непростым характером, из очень влиятельной семьи. И вот, когда наступила брачная ночь, Линван увидел во сне пару ярко-синих глаз... Он в ужасе проснулся.

За стенами уже всюду сияло солнце — он проспал до полудня. «Надо же, Чу Жунмянь приснился... — подумал он, вытирая пот. — Видимо, просто переутомился. У нас с ним пропасть в статусе, да и чувств никаких нет». Дождь закончился. Линван поднялся, чувствуя во всем теле свинцовую слабость. Он умылся и достал из передаточного окна завтрак — молоко и хлеб. После еды силы начали понемногу возвращаться.

Период гона длится от трех дней до недели. Чу Жунмянь, не обнаружив Линвана в учебной части, нахмурился, но после второй пары получил сообщение.

«Ушел на больничный в изолятор. Срок неопределен». Жунмянь расслабился и подтвердил заявку.

Изоляторы в университете использовались редко — обычно временная метка от партнера решала все проблемы. Но Жунмянь не мог даже представить, что какой-то альфа его укусит. Свои периоды течки он решал либо блокаторами, либо просто терпел. Тот факт, что Линван ушел в изолятор, подтверждал: у парня действительно нет ни пары, ни даже интрижки на стороне.

Сам Жунмянь в изоляторах не бывал — когда приближался срок, он обычно уезжал домой. В эти дни он себя не ограничивал: колол лучшие блокаторы в неограниченном количестве, лишь бы было комфортно. При его высоком ранге и привыкании к препаратам феромоны альфы помогли бы лучше, но уввы.

В кабинете 206 он остался один. Жунмянь украдкой достал спелый персик и откусил кусочек сочной мякоти — сладко. Без Линвана искать нужные документы стало в разы сложнее. На выходные намечалось несколько светских раутов, но Жунмянь всё отменил. Зачем нагружать себя работой в законный отдых? Он решил поехать домой и составить компанию маршалу Чу на рыбалке.

Маршал Чу, видя такое дело, тоже велел адъютанту отменить все встречи и решил как следует насладиться рыбалкой вместе с сыном. Чу Жунмянь, вооружившись ведром и удочкой, отправился с отцом на ближайшее водохранилище — вода там была чистойшей, а рыба — крупной и жирной.

— Как раз наловим на рыбу с острым перцем, — прищурился Жунмянь, выбирая место поудобнее. Маршал усмехнулся: — Смотри только «воздушным маршалом» не останься (прим.: с пустыми руками).

Просидев весь вечер, Жунмянь не поймал ни единой рыбешки, зато маршалу везло — в его ведре плескалось уже штук восемь. Видя такой расклад, Жунмянь без зазрения совести переложил пять штук из отцовского ведра в свое и с невозмутимым видом продолжил рыбачить.

— Рыбалка — дело благородное, — вещал маршал. — Облагораживает чувства, закаляет терпение.

Жунмянь зевнул: — Да-да, конечно.

— Поймаем еще парочку и пойдем, — добавил отец. — Надо будет твоему дедушке Баю занести, угостить.

Жунмянь прекрасно понимал, что старик просто хочет похвастаться уловом, и только вздохнул: — Как скажете.

— Эх, когда уже я внуков дождусь? Наслаждаться семейным счастьем — вот истинная радость жизни.

— Потерпите еще немного.

Вечером маршал, неся свое ведро, заметил, что оно как-то подозрительно полегчало, и зашагал к дому почти летящей походкой. Жунмянь же плелся следом, потирая запястье — рыбалка оказалась делом утомительным. Ужин превратился в настоящий «рыбный пир»: рыба вареная, жареная с перцем, запеченная, тушеная в котелке, молочный рыбный суп, в кислом соусе, во фритюре... Жунмянь уплетал за обе щеки; он мастерски управлялся с костями, выплевывая их одну за другой.

Маршал Чу легко откашлялся: — Слушай, а кроме этого Ван Юя, есть у тебя на примете какой-нибудь Альфа? Если он тебе не мил, найди хотя бы кого-то достойного, чтобы я мог за тебя быть спокоен.

Жунмянь понимал, что от родительского «сватовства» не сбежать. Его течки протекали тяжело, а временные метки он не жаловал. Какими бы хорошими ни были подаватели, они не заменят естественного воздействия феромонов.

— Есть один вариант, пока присматриваюсь, — Жунмянь мысленно поместил Сюй Линвана в «зону наблюдения». —

Я его знаю? — оживился маршал. Жунмянь покачал головой: — Нет. Семья у него простая, честная.

«Понятно, — подумал маршал, — бесприданник». Лишь бы не какой-нибудь брачный аферист.

— Смотри сам, имей голову на плечах. Помни: окончательная метка — только после свадьбы. Как определишься, веди ко мне — я за свою жизнь столько людей повидал, глаз наметан. Ты уж доверься моему опыту.

Жунмянь лишь закатил глаза, вспомнив, как отец расхваливал Ван Юя.

После ужина Жунмянь развалился на диване. Маршал включил проектор и принялся смотреть военную драму, ностальгируя по былым сражениям. С тех пор как купили проектор, отец его не выпускал из рук. Жунмянь спорить не стал и просто купил себе второй в спальню. От скуки он решил написать Сюй Линвану.

Чу Жунмянь: [Ни разу не видел изолятор. Можно взглянуть?]

Сюй Линван только что сделал инъекцию блокатора. Тело бросало то в жар, то в холод: пот лил градом, а через минуту начинала бить дрожь. Сменная одежда снова промокла насквозь, ткань облепила тело, подчеркивая резкие линии мышц. Он жадно отпил воды из бутылки и снова рухнул на кровать, стуча зубами. Браслет завибрировал. Линван влажным пальцем смахнул уведомление. Лампа под потолком светила тускло — Альфы в период гона не выносят яркого света. За четыре дня в изоляторе он привык к полумраку, и яркий экран браслета на мгновение ослепил его.

Проморгавшись, он прочитал сообщение. «На что там смотреть-то?» — подумал Линван, решив,

что Жунмянь просто никогда не бывал в таких местах. Он отправил ему фотографию комнаты.

Чу Жунмянь: [Тебя что, в тюрьму посадили?]

Линвану нечего было на это ответить, но на душе почему-то стало немного легче.

Жунмянь мельком глянул на отца, который сжимал кулаки, в десятый раз пересматривая один и тот же фильм.

«Эх...» Чу Жунмянь: [Ты смотрел «Героические годы Альфы»?]

Линван, увидев название, на секунду подумал, что попал в кино клуб для ветеранов. Он стиснул зубы, терпя внутренний жар; постепенно препарат начал действовать, и он стал успокаиваться. Покопавшись в памяти, он ответил: [Смотрел.]

Жунмянь чуть с кровати не подпрыгнул. Серьезно? Линван смотрел это старье? Молодежь такие фильмы за версту обходит. «Неужели он в душе такой старый зануда? Ключевое слово — старый», — подумал Жунмянь.

[С чего вдруг ты решил такое посмотреть?]

[В академии заставили. Нужно было написать сочинение-отзыв.]

Жунмянь выдохнул с облегчением и принялся советовать Линвану свои любимые современные ленты. Хотя, с другой стороны... Если Линван смыслит в старом кино, у него будет общая тема для разговоров с маршалом Чу. Неужели в академии так налегают на классику?

Линван тем временем сходил в душ и принялся за свой паек.

[Смотрел много всего. Где-то по учебе требовалось, что-то сам находил.]

Чтобы получше узнать историю этого мира, Линван действительно глубоко погрузился в тему и теперь разбирался в ней получше многих местных.

Чу Жунмянь в ответ прислал три огромных восклицательных знака. Внутри него всё буквально взорвалось от эмоций. Он пулей убежал в спальню, чтобы хоть немного прийти в себя. «Снова! Снова совпадение! Мой идеальный типаж!»

Линван, увидев эти знаки препинания, ничего не понял. Он доел свой паек и аккуратно прибрал за собой стол. Сделал глоток воды, засучил рукава и присел на кровать; терпкий аромат текилы в комнате почти выветрился.

«Действовать... или не действовать?» — Жунмянь в сомнениях мерил шагами спальню. «А вдруг у него вонючие феромоны? Вдруг он неряха? Или, что хуже, типичный "прямолинейный альфа". Нет, надо брать быка за рога. Точно! Если дело дойдет до брака, нужно сначала проверить совместимость».

Хотя он и не особо верил в эти цифры, перед свадьбой все обязаны пройти тест. Пусть результат будет невысоким — процентов тридцать уже хватит, чтобы феромоны могли оказывать хоть какое-то успокаивающее действие. С тех пор как пришли результаты его совместимости с Ван Юем, Комитет по подбору пар стал его самой ненавистной организацией, навечно задвинутой в черный список.

<http://bllate.org/book/16059/1437021>